

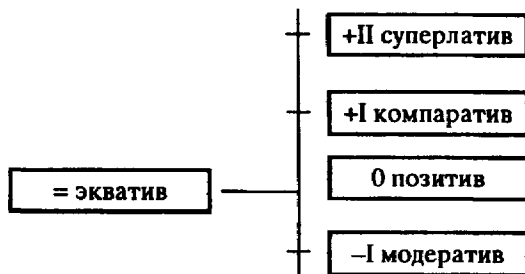
© 1998 г. К. ЛЕРНЕР, В. КУПЕРМАН

КАТЕГОРИЯ "СРАВНЕНИЯ И ОЦЕНКИ" С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИПОТЕЗЫ О "ТИПАХ ЯЗЫКОВОГО ДВИЖЕНИЯ"

Наблюдаемые в естественных языках разнообразные структурные средства выражения оценки объектов по степени качества в рамках предлагаемой гипотезы рассматриваются как вариативные реализации инвариантной категории "сравнения и оценки" (СО). Последняя, в свою очередь, понимается в качестве одного из компонентов универсальной естественно-семиотической системы, каковой, по сути дела и является язык. Соответственно, данная категория языка предстает как семиотический коррелят некоторой ментальной операции, которая может быть названа операцией сравнения (сопоставления) и признана элементом интеллектуальной активности человека. В этой связи интересно наблюдение Б.А. Серебренникова: "... по-видимому, универсальным для восприятия человека является феномен сравнения и сопоставления: он находит основания как в психологии восприятия, так и в ассоциативном мышлении и предметной деятельности" [Серебренников 1989: 89]¹.

Вместе с тем, к числу возможных реализаций категории СО относятся и такие субкатегории качества, которые в парадигму рассматриваемой категории обычно не включаются, например, *м о д е р а т и в* (ср. груз. *mo-cit-al-o* "красноватый", нем. *weisslich* "беловатый") и *э к в а т и в* (занск. *ma-ñit-a* "такой же красный", валлийск. *glaned* "такой же чистый"). Последние, подобно растущим степеням сравнения, соотносятся с положительной степенью по множителю качества².

Таким образом, обобщающая парадигма реализации универсальной категории СО может быть представлена в виде системы семантически неравноценных вариантов, группирующихся вокруг *п о л о ж и т е л ь н о й* степени:

¹ Все возможное разнообразие языковых средств выражения идеи сравнения (и оценки) накладывает очевидное ограничение на исследование, представленное в рамках журнальной статьи. Ниже рассматриваются только а) прилагательные – прототипические выразители качества [Dressler 1986: 519ff] и б) синтетический способ выражения степени качества.

² Наблюдаемое в картвельских языках привлечение исторически общего морфологического инвентаря для образования разных видов качества [(м о д е р а т и в груз. *mo- --o* (*mositalo* "красноватый"), занск. *mo- --e*, сванск. *ma- --al/ ma- --e*, экватив занск. *ma- --e/ ma- --a* (*ma-ñit-a* "такой же красный"), и с у п е р л а т и в сванск. *ma- --e* (*ma-srap-e* "краснейший")], очевидно, свидетельствует о глубинном семантическом родстве всех этих субкатегорий качества, об их принадлежности к набору возможных реализаций единой универсальной категории и, таким образом, подтверждает правомерность включения их в общую парадигму.

Независимо от генетической принадлежности языка и типологии выражения самой идеи сравнения по качеству, отдельные языковые системы предстают с тем или иным дискретным набором вариантов инвариантной категории и, таким образом, не только отличаются, но и "дополняют друг друга"³. И с этой точки зрения каждая языковая система в данный момент времени оказывается на той или иной ступени реализации обсуждаемой категории.

При этом структурная реализация любой подобной универсальной категории (в нашем случае – категории СО) характеризуется некоторыми общими тенденциями, что позволяет говорить о присущем ей типе движения по конкретным языковым системам⁴.

Вместе с тем, присущий рассматриваемой категории тип движения наиболее ясно прослеживается в раскрытии синтетической парадигмы *р а с т у щ е й* степени качества, что дает возможность на данном этапе исключить из рассмотрения такие разновидности оценки, как экватив и модератив. Закономерности раскрытия рассматриваемой универсальной категории регулярно повторяются в языковых системах, что и будет показано ниже на материале некоторых языков, в которых действует синтетический способ выражения степени качества.

Исходным пунктом становления синтетической парадигмы *р а с т у щ е й* степени в протоиндоевропейском языке, видимо, можно считать возникновение особых форм прилагательного с интенсифицирующим суффиксом **(i)-yos*. Сложившиеся формы *и н т е н с и в а* (*э л а т и в а*)⁵ вовлекаются в оппозицию с положительной степенью, отличаясь от нее не только изменением степени качества, но и способностью сочетаться с аргументом в аблативе⁶: **suād(-i)*; **suād(-i)-yos* "сладкий": "очень сладкий" [Kuryłowicz 1964: 227], и **suādi*; **suād(-i)-yos*; *suād(-i)-yos medhyos* "очень сладкий": "слаще меда" [Benveniste 1948: 125]. Таким образом формируется *э л а т и в н а я* (двухступенчатая) парадигма, выражающая недифференцированную *б о л ь ш у ю* степень качества, сочетающую в себе семантику, с одной стороны – абсолютного, не подвергающегося сравнению качества и, с другой стороны, – выделения (по множителю качества) объекта из класса объектов:

³ Ср. соображение В. Гумбольдта о том, что конкретные языки, будучи "целостными, завершенными фрагментами" общей картины мира, "если отвлечься от их родства, скорее дополняют друг друга" [Гумбольдт 1985: 38]. Аналогичные отношения можно предположить не только для языковых систем в целом, но и для фрагментов этих систем – на уровне соотношения реализованных вариантов той или иной инвариантной, универсальной категории.

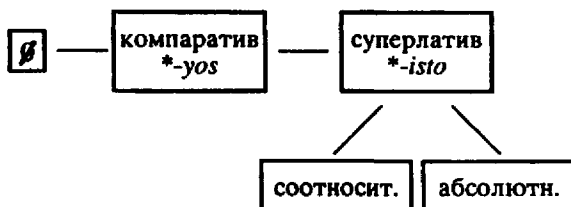
⁴ Лингвистике, видимо, еще предстоит определить инвентарь категорий, содержащихся в универсальной системе языка как бы в свернутом виде, и описать присущий им тип раскрытия. Уже сегодня можно говорить о таких универсальных категориях, как, например, категория классификации, характеризующейся коммуникативной эквивалентностью реализаций или, во всяком случае, неиерархическими связями между реализациями (диффузный тип движения). Другим примером универсальной категории становится категория действия, процесса, проявляющаяся, в частности, в аспектуальных и/или темпорально-модальных подсистемах, способных переходить, "переливаться" друг в друга (см. по этому поводу [Lemer 1994; 1996]).

⁵ Следует заметить, что языки разных групп обнаруживают определенную общую тенденцию движения от номинации качества к фиксации его интенсивности (что, возможно, и маркирует выделение собственно прилагательных из общего класса имен) и далее к высшим степеням качества (см. об этом ниже).

⁶ Или в ином косвенном падеже, например, в дативе или генитиве, как это имеет место в грузинском языке.

Затем в парадигму включается новая морфологическая единица – суффикс **-isto*, присоединяющийся к форме положительной степени: санскр. **yuvan* – **yuva-iṣ-tha* "молодой" – "самый молодой" [Brugmann 1889]. При этом старый элатив утрачивает семантику абсолютного качества, сохраняя лишь способность употребления с аргументом (эксплицитным или имплицитным), тогда как семантическая область абсолютного элатива как бы захватывается новым суффиксом. Таким образом, соотносительный элатив, т.е. элатив с обязательным аргументом, становится собственно компаративом, в то время как абсолютный элатив, маркированный новым формантом, занимает следующую ступень в иерархии, представая тем самым собственно суперлативом⁷ [Kuryłowicz 1964: 230]. Как следствие, оппозиция складывается между положительной степенью качества и двумя другими морфо-семантическими сущностями: $\emptyset$ **(-ī)-yos*: **-isto*⁸. Иными словами, формируется трехступенчатая парадигма р а с т у щ е й степени качества.

Далее, как и в случае функционального расщепления элатива (см. рис. 2), возникает оппозиция между абсолютным и соотносительным суперлативом:

(ср. санскр. *lagh-u-s*: *lagh-īyas*: *lagh-iṣ-tha-s* [Brugmann 1889: 421]; лат. *suav-i-s*: *suav-ior*: *suav-issim-us* "приятный": "приятнее": "приятнейший").

Такова общая семантико-типологическая модель развертывания синтетической парадигмы р а с т у щ е й степени качества.

Протогерманский функционально и материально унаследовал трехступенчатую систему, сложившуюся в протоиндоевропейском: компаративы на **-izan* (< **-yos*/**-yes*/**-is*) [Kuryłowicz 1964: 223; Bammesberger 1990: 232] и **-ōzan*, суперлативы на **-ista* (< **-isto*) и **-ōsta* [Bammesberger 1990: 233]⁹ (ср. др.-англ. *swiðe*: *swiðor*: *swiðost* "приятный"). Схема реализации категории остается такой же (см. рис. 3).

В праславянской языковой системе раскрытие категории СО начинается с элативной, т.е. двухступенчатой парадигмы, где синтетический элатив выражен суффиксом **-jbš*/**-ejbš* (ПИЕ **-yos*/**-yes*/**-is*), причем соответствующие формы, как это и следует ожидать для элативной парадигмы, обнаруживают способность к употреблению и в абсолютном, и в соотносительном (с единичным или множественным аргументом) значении [Шахматов 1957: 130] (см. рис. 3).

⁷ Типологически возможна иная ситуация, когда новая ступень – ступень суперлатива маркируется прежним аффиксом элатива, а семантическая область соотносительно элатива, т.е. собственно компаратива, получает новое выражение – или посредством нового аффикса, как это имеет место в русском, или же формируется новая (аналитическая) модель, как это произошло в грузинском (см. ниже).

⁸ Эта же система в протоиндоевропейском реализуется посредством материально иной серии суффиксов: компаратив **-ero* (*-tero*): суперлатив **-mo* (*-mmo*) [Brugmann 1891: 420]. Однако общая схема формирования парадигмы остается той же самой и в исторических языках равноправно заполняется суффиксами обеих серий.

⁹ В протогерманских суперлативах отражена и вторая группа суффиксов **-uma* (< **-mmo*) готск. *innuma* "самый близкий, внутренний" и **-um-ista* (ср. готск. *auhūmists* "высочайший" наряду с *auhuma*), представляющий собой контаминацию суффиксов разных групп: **-uma* + **-ista* [Kluge 1897: 483].

Следующая ступень раскрытия инвариантной категории (см. рис. 3) прослеживается в ряде славянских языков, для которых характерна общая схема, наблюдаемая в протоиндоевропейском. Здесь также семантическая область абсолютного э л а т и в а вычленяется в отдельную концептуальную сущность и получает свое материальное выражение – в данном случае приставку **naj-* (в отличие от нового суффикса в протоиндоевропейском) ср. серб.-хорв *наивештиј* "старейший", польск *naj-lepszy* "красивейший" и т.п.

Несколько иное положение сложилось в русском языке, где формы с у п е р л а т и в а на *naj-* не прижились [Борковский, Кузнецов 1965: 245]. Так, в русском в функции с у п е р л а т и в а закрепляется древняя форма э л а т и в а, а новая морфологическая единица [суффикс *-ее (-ше)*] привлекается для выражения к о м п а р а т и в а.

Однако функциональная оппозиция между к о м п а р а т и в о м [*-ее (-ше)*] и с у п е р л а т и в о м (*-ейш*) еще долго оставалась виртуальной, поскольку форма с у п е р л а т и в а сохраняла способность употребляться в сравнительной конструкции с аргументом, наряду с формой к о м п а р а т и в а ср. *Сии первые законы еще древнейшие Ярославовых и удобнее и лучше обыкновенных* (Карамзин), а также – *сильнейшего себя противника* (Л Толстой). "В XVIII–XIX вв простые формы превосходной степени еще сохраняли... древнейшее свое значение сравнительной степени" (точнее было бы сказать – б о л ь ш е й степени – Л К, К В) [ГРЯ Т 1, 1953 237–248]. Иными словами, парадигма оценки р а с т у щ е й степени качества в русском языке вплоть до XIX в. оставалась по сути дела двухступенчатой.

Для протогрузинского состояния реконструируется отглагольная по своей природе синтетическая форма большей степени качества, состоящая из показателя объекта (или аргумента), форманта версии, суффиксального элемента *-e*¹⁰ и показателя родительного падежа *-is* (*-e + -is > ēs > es*): **mi-did-es-i* "больше меня", **gi-did-es-i* "больше тебя", **h(x)u-did-es-i* "больше него" [Марр 1925, Шанидзе 1938, Мачавариани 1958]¹¹.

В результате субстантивизации форм степени и нейтрализации противопоставления по лицам сохраняется лишь форма третьего лица на **h(x)u- -es > u- -es*, утратившая, однако, способность самостоятельно выражать соотношение по качеству и перенявшая только часть прежнего семантического объема – значение большей степени, т.е. значение абсолютного э л а т и в а. Функция же соотношения в порядке компенсации была возложена на ту же синтетическую форму элатива в сочетании с эксплицитно выраженным аргументом в косвенном (род или дат падеже) *u-did-es-i* "очень большой": *u-did-es-i čemsa* "больше меня". Таким образом, грузинский язык (по крайней мере, с V в) мы застаем на этапе двухступенчатой системы, включающей положительную степень (*did-i* "большой"), противопоставляющуюся абсолютному (*u did-es-i* "очень большой") или соотносительному (*u-did-es-i čemsa* "больше меня") э л а т и в у (см. рис. 2). Это наблюдение подтверждается способностью древней и единственной для грузинского языка формы б о л ь ш е й степени употребляться как без аргумента, так и в сочетании с единичным и множественным аргументом а) в функции абсолютного э л а т и в а:

ražams ixl̄nes mocapeni natarisa Grigolisani upicxlesa monazonobisa kanonsa "как узрели ученики блаженного Григола в усерднейшем (факт "более усердном" – Л К,

¹⁰ Сюда же, видимо, нужно добавить и вариант *-o*, поскольку известны формы *u-pi-o* (*u-pr-o is* 'более'), *u-sl-o* (*u-sl-o-is* 'толще').

¹¹ В последнее время предложена новая, возможно, более убедительная интерпретация, согласно которой древнейшей является т н краткая форма степени (без показателя родительного падежа) **h(x)u-did e* [Мачавариани 1987 49–50]. Однако разное понимание генезиса синтетической формы не меняет общей картины раскрытия парадигмы степеней сравнения в грузинском, хотя и оказывается существенным с точки зрения оценки положения в других картвельских языках (см. ниже).

К В) исполнении канонических монашеских.. ("Житие Григола Ханцтийского" 255, 31–32 (иллюстративный материал см. [И. Абуладзе (ред.) 1963]).

б) в функции соотносительного э л а т и в а

umaylesi sluata mat adgilta borcui "выше других мест холм.." ("Житие Серапиона Зарзмского" 226, 24); *da ikmna yvino uhamovnes pirvelsa mis yvinisa* "и стало вино вкуснее того прежнего вина" ("Мученичество св. Евстафия" 169, 24)

Таким образом, актуальная для древнегрузинского состояния парадигма остается двухступенчатой.

Переход к трехступенчатой парадигме завершается лишь во второй половине XX в.¹² При этом вычленившийся в отдельную морфо-семантическую сущность с у п е р л а т и в оформляется посредством древнего циркумфикса э л а т и в а *и- -es*. Одновременно противопоставляющийся а б с о л ю т н о м у с у п е р л а т и в у собственно к о м п а р а т и в получает описательное выражение в виде морфологизируемой краткой формы старого э л а т и в а *ipro < i-pr-ois* "более" (которая фактически превращается в формант степени) и прилагательного (или наречия) в п о л о ж и т е л ь н о й степени – *ipro mayali* "выше": *umaylesi* "высочайший". Вместе с тем, и в к о м п а р а т и в н о й, и в с у п е р л а т и в н о й ветвях парадигмы закрепляются аналитические конструкции, равно содержащие форму п о л о ж и т е л ь н о й степени и отличающиеся лишь характером аргумента (единичный vs множественный) – *masze mayali* "выше него": *qvelaze mayali* "выше всех". В современном грузинском трехступенчатая парадигма сочетает синтетические и аналитические средства выражения растущей степени качества.

Становление трехступенчатой парадигмы, таким образом, знаменует этап категоризации тех концептуальных сущностей, которые изначально, в свернутом виде содержатся в универсальной категории. В этой связи актуально звучит мысль, высказанная И.И. Мещаниновым еще полвека назад: "...формальное выделение тех или иных языковых категорий является результатом того выделения, которое уже существует в отдельном их восприятии... если отличительные формальные показатели выявляются в грамматических категориях, то лежащие в основе их семантические, выделяемые в языке категории можно было бы назвать понятийными категориями" [Мещанинов 1945–195]. По крайней мере, в рамках синтетического способа¹³ раскрытие анализируемой категории СО предполагает вычленение семантической области абсолютного э л а т и в а и введение комбинаторных ограничений на элементы парадигмы. В частности, к о м п а р а т и в, как было показано выше, лишается способности выражать абсолютное (т.е. безаргументное) значение степени, тогда как на с у п е р л а т и в накладывается ограничение на употребление с единичным аргументом.

Вместе с тем, в течение некоторого времени после того, как формальная оппозиция между к о м п а р а т и в о м и с у п е р л а т и в о м уже сложилась в данном языке, указанные ограничения еще могут нарушаться, как это имело место в русском языке в XIX в. (см. примеры выше) и как это спорадически наблюдается в грузинском языке, преимущественно в речи монолингвов¹⁴. С другой стороны попытки рассмотрения материала того или иного языка без учета степени категоризации способны привести к гиперкоррекции, к выявлению с у п е р л а т и в о в (по сути дела, семантических, понятийных с у п е р л а т и в о в) в тех языках, для носителей которых

¹² Детальный анализ становления трехступенчатой парадигмы степеней сравнения в грузинском см [Лернер 1989, 1990 89–100]

¹³ Формализация той же семиотической категории аналитическими средствами регулируется иной процедурой, которая требует специального рассмотрения. Однако, можно утверждать, что результатом последовательной реализации аналитической процедуры также оказывается трехступенчатая парадигма

¹⁴ Нами записаны фразы типа – *amazé ulamazesi gogo ubanši ar daiareboda*, "в районе не было девушки, красивее этой", где конструкция, отражающая э л а т и в н ы й этап – *amazé ulamazesi*, употреблена вместо вполне нормативной для современного языка конструкции к о м п а р а т и в а с п о л о ж и т е л ь н о й степенью – *amazé lamazi*

различение компаратива и суперлатива еще не является релевантным или, во всяком случае необходимым, что нередко можно встретить в грамматических описаниях¹⁵. В этом плане другие картвельские языки оказываются на разных этапах раскрытия данной категории.

С точки зрения синтетических средств реализации данной универсальной категории лазский язык (или по другой классификации – чанский диалект занского языка) фактически остается на начальной (п о л о ж и т е л ь н о й) ступени, поскольку синтетические средства выражения растущей степени качества в нем отсутствуют.

Б о л ь ш а я степень здесь выражается или посредством типичной для северокавказских (преимущественно – восточных) языков конструкцией, содержащей прилагательное в п о л о ж и т е л ь н о й степени и объект сравнения (аргумент) в аблативе: *oxuri-šen didi ren* "большой (от) дома есть" или же при помощи лексических интенсификаторов, не прошедших ступень морфологизации: *daha nosṭoney* "много (очень) вкусный", *henni nosṭoney* "всех вкусный". Таким образом, с точки зрения аналитических средств язык находится на этапе двухступенчатой парадигмы.

В мегрельском действует та же аналитическая конструкция с п о л о ж и т е л ь н о й степенью и аргументом в аблативе: *arti-še meṭi* "много (т.е. больше) одного" (ср. *oxori-šen meṭi* и груз. *imaze meṭi*). Однако здесь уже известна и единственная синтетическая форма степени с циркумфиксом *u-* – *aš*, увязываемая с груз. *u-* – *-es* и возводимая на уровень грузинско-занского единства [Климов 1964: 185]¹⁶. Подобно грузинскому элативу, эта форма сохраняет способность сочетаться с единичным аргументом в аблативе (или генетиве) *tuma-še u-did-aš-i* "(от) отца больше". Учитывая отсутствие специальной формы с у п е р л а т и в а, можно предположить, что эта форма остается на уровне э л а т и в а. Таким образом, с точки зрения синтетической парадигмы мегрельский, подобно древнегрузинскому, предстает на этапе двухступенчатой системы.

В сванском языке представлена трехступенчатая парадигма, где синтетический компаратив выражается с помощью форманта *xo-* – *-a*, а суперлатив – посредством циркумфикса *ma-* – *-e* (*cerni* "красный": *xo-ṭran-a* "краснее": *ma-ṭran-e* "краснейший").

Сванский формант *xo-* – *-a*, генетически увязываемый с "ханметной" формой грузинского элатива *h(x)u-* – *-s* [Марр 1915; 1925: 92; Шанидзе 1936]¹⁷, в отличие от грузинского закрепляется в функции собственно компаратива, тогда как для суперлатива привлекается иная единица (ср. модель в протоиндоевропейском и некоторых славянских языках) – формант *ma-* – *-e*.

Подобно груз. *u-* – *-es*, формант растущей степени *xo-* – *-a* может быть интерпретирован как древний э л а т и в¹⁸, отражающий период функционирования двух-

¹⁵ Например, когда характерная для языков с аналитической процедурой э л а т и в н а я по сути конструкция типа "(от) меня большой" интерпретируется посредством собственно компаратива "больше меня". Точно так же неразличением ступеней раскрытия объясняется трактовка древней б о л ь ш е й степени как одновременно с р а в н и т е л ь н о й и п р е в о с х о д н о й. Эта методологическая непоследовательность встречается и в дефиниции грузинского э л а т и в а. А.Г. Шанидзе справедливо указывает, что для грузинско видеть определения иного толка – "...в префиксе *u-* грузинской сравнительной степени (она же и превоского языка характерна единственная форма б о л ь ш е й степени [Шанидзе 1973: 140]. Однако чаще можнходная) мы усматривали" [Марр 1915: 51]; или "мы не находим никаких следов изменения сравнительно-превосходной степени в 1-ом и 2-ом лице" [Дондуа 1975: 105]. И наконец, А.С. Чикобава интерпретирует рассматриваемую форму как форму сравнительной и превосходной степени [Чикобава 1967: 37].

¹⁶ Если принять реконструкцию М. Мачавариани (см. сноска 10), то мегрельский формант степени обнаруживает параллель со вторичной грузинской формой, уже усложненной показателем род. падежа *-is*.

¹⁷ Хотя более логично было бы связать сванскую форму с первичной (М.М. Мачавариани), краткой грузинской формой э л а т и в а (*h(x)u-* – *-e* (ср. *u-did-e* "больше"), широко распространенный в памятниках среднегрузинского языка.

¹⁸ Рудиментом этапа элативности в сванском, очевидно, являются некоторые формы древней б о л ь -

ступенчатой парадигмы в сванском, в то время как вовлечение в систему новой единицы – форманта *ma-* – *-e* знаменует переход к трехступенчатой парадигме. Этот процесс прошел в сванском достаточно давно – формы с у п е р л а т и в а на *ma-* – *-e* зафиксированы уже в народной сванской поэзии – и, видимо, независимо от грузинского, с использованием иной типологической возможности.

Итак, даже краткий анализ ограниченного числа языковых систем обнаруживает четко выраженную направленность раскрытия универсальной категории СО – исходный (абсолютный) и н т е н с и в¹⁹ реинтерпретируется как э л а т и в (соотносительный и абсолютный), затем соотносительный э л а т и в закрепляется в функции к о м п а р а т и в а, тогда как семантическая область абсолютного э л а т и в а вычленяется в с у п е р л а т и в (с подразделением на абсолютный и соотносительный) – что позволяет говорить о характерном для нее векторном типе движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абуладзе И. (ред.). 1963 – Памятники грузинской агнографической литературы (V–X вв.). Т. I. Тбилиси. 1963 (на груз. яз.).
- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- ГРЯ 1965 – Грамматика русского языка. Т. I. М., 1965.
- Гумбольдт В. 1984 – О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дондуа К. 1975 – К генезису формы сравнительно-превосходной степени в картвельских языках. Л., 1975.
- Камбечоков А.М. 1987 – О месте сравнительной частицы *naх* в атрибутивном словосочетании кабардино-черкесского языка // Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института языкознания АН ГССР. Тезисы докладов. Тбилиси. 1988.
- Климов Г.А. 1964 – Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Лернер К. 1989 – Социальная природа языка и процесс языкового взаимодействия. Социолингвистический анализ контактной реинтерпретации. Тбилиси, 1989.
- Лернер К. 1990 – К вопросу о социо-лингвистических условиях эволюции грамматической категории // ВЯ. 1990. № 1.
- Март Н.Я. 1915 – Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания // Записки Императорского Русского Археологического Общества. Т. 22. 1913–1914. СПб., 1915.
- Март Н.Я. 1925 – Грамматика литературного древнегрузинского языка. Л., 1925.
- Мачавариани Г. 1958 – К генезису форм сравнительной степени в картвельских языках // Труды ТГУ. Тбилиси. 1958 (на груз. языке).
- Мачавариани М. 1987 – Семантика грамматической категории версин. Тбилиси. 1987.

ше й степени типа *хо-џа* "лучше", *хо-ла* "хуже", *хо-хиаг-а* "младший", утратившие свою исходную форму э л а т и в а и закрепившиеся в форме п о л о ж и т е л ь н о й степени. Затем эта же форма в качестве опорной основы вовлекается во вторичную деривацию для образования компаратива: *хоџа* "хороший" > *хоџа-ил* > *хоџил/хоџел/хоџул* "лучше" [Чкадуа 1987]; в то время как суперлатив образуется от корневых морфем тех же форм: *ma-џ-en-e* "самый хороший", *ma-huk-en-e* "самый младший". Ср. супплетивное образование в грузинском, где форма э л а т и в а на и- – *-es*: *u-ket-es-i* не становится с у п е р л а т и в о м, как другие формы с этим циркумфиксом, а закрепляется в значении к о м п а р а т и в а – "лучше" и подвергается вторичной деривации *sa-u-ket-es-o* "наилучший".

¹⁹ Ср. замечание относительно древнегрузинского элатива: "In Old Georgian adjectives have an intensive form, which can express the comparative or superlative degree" [Fähnrich 1994: 151]. С другой стороны, к морфологизации лексического показателя интенсивности прибегают и те языки, в которых действует аналитический способ выражения степени. Например, удийский: *џоџа* "красный", *lap џоџа* "очень красный" и неологизм *џо-р-џоџа* "краснейший", где элемент *-р* восходит к *lap* [Сихарулидзе 1985], т.е. имеет место двойное выражение интенсивности. Или кабардино-черкесский, где в роли показателя степени (в отличие от удийского к о м п а р а т и в а) морфологизируется частица *laх* "очень" или редуцированный вариант той же частицы [Камбечоков 1987]. Можно предположить, что морфологизация показателя интенсивности в языках с аналитическим э л а т и в о м служит одной из типологических возможностей перехода к трехступенчатой системе. Точно так же языки с синтетическим э л а т и в о м на этапе переложения системы обращаются к аналитической конструкции (ср. возникновение компаративной конструкции *џemse didi* "(от) меня большой" в грузинском).

- Мещанинов И.И. 1949 – Члены предложения и части речи. М., 1949.
- Серебренников Б.А. 1988 – Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
- Сихарулидзе Т. 1985 – Органическое образование превосходной степени имен прилагательных в удийском языке // Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Институт языкознания АН ГССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1985.
- Чикобава А.С. 1967 – Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. М., 1967.
- Чадуа Р.Б. 1987 – Некоторые вопросы образования степеней сравнения в сванском языке // Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Институт языкознания АН ГССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1987.
- Шанидзе А.Г. 1936 – Показатель лица в склоняемых именах // Труды ТГУ. I. Тбилиси, 1936.
- Шанидзе А.Г. 1973 – Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1973 (на груз. языке).
- Шахматов А.А. 1957 – Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Bammesberger A. 1990 – Die Morphologie des Urgermanisches Nomens. Heidelberg, 1990.
- Benveniste E. 1948 – Noms d'agent et noms d'action en Indo-Europeen. Paris, 1948.
- Brugmann K. 1889 – Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1886–1893.
- Dressler W. 1986 – Explanation in natural morphology, illustrated with comparative and agent-noun formation // Linguistics, 1986.
- Fähnrich H. 1994 – Old Georgian // The indigenous languages of the Caucasus V. / Ed. by A.C. Harris. New York, 1994.
- Kluge F. 1897 – Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte. 2 Aufl. Strassburg, 1897.
- Kurylowicz J. 1964 – The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Lerner K. 1996 – Towards transition of the aspectual system into modal-temporal system in the Georgian Verb // Societas Caucasologica Europaea. Caucasian Colloquim. Leiden, 1996.